

ОЗОРНИК: В ПРАВОВОМ РАКУРСЕ

Urozboyev Otabek Elmurod o'g'li

Ташкентский государственный юридический университет, факультет
"Уголовного правосудие", 2-курс, студент А-потока otabekurazbaev656@gmail.com

Аннотация: В данной статье рассматривается образ главного героя повести Г. Гуляма «Озорник» сквозь призму правовых и социальных нарушений в контексте дореволюционного Ташкента. Анализ сфокусирован на трансгрессивном поведении протагониста, которое включает кражи, мошенничество, умышленное повреждение имущества и нарушение религиозных обрядов, что отражает фрагментарность правовой системы. Эта система находилась под влиянием конфликтующих юрисдикций: традиционных норм (шариат), имперского российского управления (полиция, чиновники) и экономического упадка, ощущавшегося на уровне махалли. Делается вывод, что «озорник» — это не просто литературный тип, а продукт системного социально-правового кризиса.

Ключевые слова: Гафур Гулям, Озорник, право, мораль, ответственность, воспитание, правосознание, Узбекистан.

SHUM BOLA: HUQUQIY NIGOHDA

Annotatsiya: Mazkur maqolada G'afur G'ulomning "Bezori" qissasi bosh qahramonining chor Rossiyasi Turkistonidagi huquqiy va ijtimoiy buzilishlar prizmasi orqali ko'rib chiqiladi. Tahlil bosh qahramonning transgressiv harakatlariga qaratilgan bo'lib, unga o'g'rilik, firibgarlik, vandalizm va diniy marosimlarni buzish kiradi. Ushbu harakatlar an'analar (shariat), Rossiya imperial boshqaruvi (politsiya) va iqtisodiy tanazzul (mahalla) ta'sirida bo'lgan huquqiy tizimning parchalanganligini aks ettiradi. "Bezori" oddiy adabiy obraz emas, balki tizimli ijtimoiy-huquqiy inqiroz mahsuli degan xulosaga kelinadi.

Kalit so'zlar: G'afur G'ulom, Shum bola, huquq, axloq, mas'uliyat, tarbiya, huquqiy ong, O'zbekiston.

THE MISCHIEF-MAKER: IN A LEGAL COURSE

Annotation: This article examines the central character of G. Gulyam's novella "The Mischief-Maker" through the lens of legal and social transgressions within the context of pre-revolutionary Tashkent. The analysis focuses on the protagonist's transgressive behavior, which includes theft, fraud, deliberate property damage, and the violation of religious rituals. These actions reflect the fragmentation of the legal system, influenced by conflicting jurisdictions: traditions (Shariat), Russian imperial administration (police, officials), and the economic decline prevalent in the mahalla. It is concluded that the "mischief-maker" is not merely a literary archetype but a product of systemic socio-legal crisis.

Keywords: *Gafur Gulom, The Mischief-Maker, law, morality, responsibility, upbringing, legal consciousness, Uzbekistan.*

ВВЕДЕНИЕ

Повесть Гафура Гуляма «Озорник» выходит за рамки бытописания и представляет собой глубокое исследование социально-правовых противоречий, характерных для Туркестана начала XX века. Фигура главного героя — безымянного рассказчика, которого можно охарактеризовать как «озорника» или «беглеца» — становится ключом к пониманию того, как социальная депривация формирует девиантное поведение.

Действия протагониста, начиная от мелкого хулиганства и воровства еды и заканчивая участием в угоне скота и мошеннических схемах, служат прямым отражением несостоятельности официальных и неофициальных систем правосудия. Целью данной статьи является детальный анализ поступков героя и его окружения, имеющих юридическое или морально-правовое значение, чтобы проиллюстрировать, как правовой вакуум в дореволюционном Ташкенте вынуждает маргинальных субъектов к постоянной трансгрессии.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Социально-экономический кризис как основа правонарушений

Ташкент, описанный в повести, — это город резкого социального контраста, где благополучие байских сынков, проводящих время в чайхане Ильхама-чайханчика, потребляя сладости, миндаль, фисташки и коньяк, противопоставлено нищете обитателей махалли, чьи родители — ремесленники, кожевники, водоносы или рабочие типографии — часто не могут найти работу. В условиях, когда даже отец Амана, Турсунбай-ака, изготовлявший ножи, не мог прокормить семью, а отец Хуснибая, Аманбай, делавший хомуты, также испытывал трудности, поиски средств к существованию становятся главным мотивом преступлений.

Наиболее трагичным юридическим и социальным индикатором кризиса являются джинни (юродивые). Эти несчастные не просто помешаны, а являются жертвами экономического краха, вызванного изменениями в производстве и конкуренцией с имперскими фабриками. Например, Карим-джинни сошел с ума, когда рынок наводнил фабричный ситец, лишив его возможности кормить семью. Хал-паранг, искусный ткач бархата, потерял рассудок, когда его мастерская сгорела. Самый известный из них, Майрамхан (Маматраим), превосходный слесарь, стал никому не нужен, когда металлические изделия начали выпускать заводы, и помешался "от нищеты и тоски". Эти люди, лишённые работы и ставшие объектами жестокого «развлечения» мальчишек, являются живым упреком системе, неспособной обеспечить базовую социальную защиту, что юридически равносильно бездействию власти.

Трансгрессия против собственности и наказания

Первые акты протагониста уже носят криминальный характер и направлены против собственности, хотя и мотивированы социально. Эпизод с кражей сала и яйца для плова в складчину отражает хищение имущества, совершаемое ради интеграции в коллектив и участия в социальном ритуале. Наказание за этот проступок наступает не через официальные каналы, а через семейный самосуд: мать бьет героя скалкой, не зная, что разбила яйцо, приняв желток за мозг. Страх перед разоблачением кражи (пропажа "доброй трети сала") вынуждает героя к бегству, что свидетельствует о его статусе изгоя в рамках даже семейного права.

Дальнейшие поступки приобретают большую тяжесть. Умышленная порча ценного имущества демонстрируется в доме дяди, где протагонист из "озорства" убивает ценных охотничьих птиц — ястреба-тетеревятника, ястреба-перепелятника и пустельгу — скормив им простоквашу, считая, что белый помет означает потребность в молочной пище. Смерть птиц, которые представляли большую ценность, вынуждает героя к новому, более длительному бегству, так как он понимает, что "Жизнь моя в этом городе кончена". Он также совершает кражу, унося с собой клетку с горlinkами, что является хищением имущества дяди.

В скитаниях герой становится соучастником более серьезных преступлений. На рынке в Аччабаде он легко расстается с украденными горlinkами, выменивая их на "кучу добра" (ободы, трещотку, бубен, лопатку), что можно квалифицировать как реализацию похищенного имущества. Позже, с Аманом, они продают кетмень и лопатку, чтобы получить средства к существованию. Самым серьезным преступлением становится угон и убийство скота. Угнав телку для Ишана, герой совершает хищение. Затем, действуя с Аманом, они убивают корову хозяина-бая в отместку за его эксплуатацию и для получения мяса, что является прямым уголовным преступлением.

Коррупция и лицемерие религиозного права

Религиозные институты (шариат), которые должны были обеспечивать правопорядок, в повести оказываются глубоко коррумпированными и лицемерными. Домла Мухаммад Шариф, потомок ишанов, сам участвует в мошенничестве и использует религию как прикрытие. Он провозглашает себя "всезнающим муллой", хотя сам признается, что никогда не совершал обряд омовения покойника.

Наиболее яркий пример юридической и религиозной трансгрессии — фальсификация обряда омовения покойника. Домла, нанявшийся за десять целковых, убеждает окружающих не подглядывать, угрожая "страшным грехом". Используя веревку, чтобы волочить труп в хаузе, они "полощут" его, совершая осквернение тела. Кульминацией абсурда становится то, что Домла пришивает оторванную голову мертвеца задом наперед, объясняя это волей Аллаха: "видно,

при жизни числилось за ним немало грехов, вот аллах и перевернул ему голову!". Этот эпизод демонстрирует не только осквернение священного закона, но и циничное использование религиозного статуса для обмана.

В обители Ишана протагонист, которого назначили учеником (хотя он сам сбежал от учебы в медресе), вынужден принести страшную клятву уважать жен Ишана "как родных матерей" и не разглашать тайн, угрожая себе слепотой и параличом. Он нарушает эту клятву, подглядывая за беременной женой Ишана, совершавшей ритуал с ослом. Ишан, застав его за "тяжким грехом" разглядывания жен, "проклял меня и выгнал вон из обители", что представляет собой неформальное духовное наказание за нарушение религиозного обета.

Имперский закон и самосуд в Ташкенте

Имперская власть, представленная полицией (миршаб) и чиновниками (Мочалов), лишь эпизодически вмешивается в жизнь махалли, часто демонстрируя свою коррумпированность. Например, Пулатходжа, выстреливший в собаку сторожа револьвером своего брата, был арестован, но отпущен после того, как брат "сунул порядочно денег". Полицейские, такие как стражник Наби-вор, и сам Мочалов, упоминаются в контексте их связи с порядком, но их влияние на повседневное правосудие бедноты, как показывает эпизод с Пулатходжей, легко нейтрализуется взятками.

В ситуациях, когда официальные законы не действуют или не успевают отреагировать, в дело вступает правосудие толпы — самосуд. Эпизод с Рахматом-Хаджи, мужем певицы Айши-яллачи, которого толпа линчует за сводничество, демонстрирует крайнюю форму неформального правосудия. Рахмат-Хаджи обманул молодую вдову Латифахон, а Айша-яллачи разоблачила его, рассказав, что он планировал использовать Латифахон для проституции с богатыми стариками. Ярость толпы, "взбудораженной каждодневными разговорами и слухами о войне, растущей дороговизной, опасениями надвигающихся бед", обрушивается на Рахмата-Хаджи. Его тело волокут по площади, бьют и пинают. Полицейские, прибывшие на конях, свистели и "стреляли в воздух", но были бессильны остановить линчевание.

Участники самосуда затем, по словам курильщиков, зачисляют Рахмата-Хаджи в "число великомучеников, пострадавших за религию", хотя он погиб за нарушение моральных норм. Этот феномен самосуда одобряется даже в курильне Хаджи-баба, где провозглашается, что "пока такие самосуды случаются, можно спать спокойно, ни один вор не посмеет посягнуть на добро правоверного".

Проповедник Куса-маддах также легитимизирует имперскую власть, призывая повиноваться "великому императору, белому царю, его величеству Николаю Романову" как "тени бога на земле". Он предупреждает паству не

поддаваться "подстрекательствам босоногих бездомных плутов, неверных мастеровых, тайных врагов" и сдавать их властям.

Куса-маддах также использует свое влияние, чтобы вымогать деньги, требуя сначала "семьдесят лошадей" или "по целковому", прежде чем продолжить сказку.

Мошенничество как способ выживания

В условиях правового хаоса и экономической нужды герой развивает криминальный интеллект.

Чтобы избежать работы у бая Сарыбая и получить расчет, протагонист использует ложь как стратегию. Он предупреждает, бая о своем "недостатке" — необходимости время от времени соврать, "хоть и помимо воли".

Затем он использует этот предлог, чтобы в течение нескольких минут сообщить Сарыбаю о мнимом пожаре в конюшне, смерти гнедой лошади, гибели борзой, пожаре в усадьбе, смерти младшего сына Бурибая и, наконец, о том, что его незамужняя средняя дочь родила сына. Бай, не выдержав потока ужасных новостей, падает без сознания, а герой сбегает, требуя расчета, и получает "пуда два червивых яблок".

Этот акт мошенничества, хотя и заканчивается физическим избиением, является блестящим примером выживания путем обмана.

Даже в курильне Хаджи-баба, где герой обретает относительное спокойствие и одежду, он вынужден прибегать к хитрости, чтобы контролировать ситуацию и свои финансы.

Он имитирует взрыв флаконом, наполненным водой и закопанным в золе мангала, что приводит к панике и последующему обыску полицейскими. В конце концов, чтобы его выгнали, он провоцирует Хаджи-баба, притворившись, что знает, куда делся украденный ларец.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ повести «Озорник» в правовом ракурсе подтверждает, что протагонист является продуктом нефункциональной социальной и правовой среды. Его "озорство" — это серия вынужденных актов трансгрессии, предпринятых ради выживания и самосохранения в мире, где бедняки (как джинни) становятся жертвами капиталистического прогресса, религиозные законы профанируются ради наживы (как в случае с Домлой), а имперские законы коррумпируются (как в случае с Пулатходжей).

Закон улицы — самосуд и хитрость — становится единственным реально действующим механизмом. Эпизоды с угоном скота, насмешкой над Ишаном и разорением бая демонстрируют, что герой использует свой "криминальный ум" не только для самозащиты, но и для возмездия за несправедливость.

Таким образом, "Озорник" Гафура Гуляма представляет собой глубокий и многогранный образ, отражающий системный кризис, в котором формальные и

религиозные законы уступают место закону необходимости и изобретательности.

Он не просто хулиган, но символ отчаянного сопротивления миру, который не оставил ему иного пути, кроме пути беглеца и мошенника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И САЙТОВ:

1. Гулям, Гафур. Озорник (Повесть/Роман). Перевод с узбекского А. Наумова. [Электронный ресурс] // Бесплатная электронная библиотека Royallib.com. – URL: Гулям Гафур. Озорник - royallib.com.pdf. (Годы написания: 1936–1962).